

Новицкая Вера Сергеевна

Безмятежные годы

Первые грезы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В31

В31 **Вера Сергеевна Н.**
Безмятежные годы: Первые грёзы / Новицкая Вера Сергеевна – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 344 с.

ISBN 978-5-521-25394-4

ISBN 978-5-521-25394-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БЕЗМЯТЕЖНЫЕ ГОДЫ.

ПЕРВЫЯ ГРЕЗЫ.

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА ВЪ 2-хъ ЧАСТЯХЪ

В. Новицкой

(автора книгъ: „Хорошо жить на свѣтѣ“ и „Веселые будни“).

Съ 16 рисунками въ краскахъ по акварелямъ

Є. Л. Самокишъ-Судковской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.

БЕЗМЯТЕЖНЫЕ ГОДЫ.

I.

Старые друзья. Новые впечатлѣнія.

Наконецъ, наконецъ-то я снова увидѣла всѣ эти веселыя, дорогія мордашки, всякій милый памятный закоулочекъ! Шутка сказать: четыре года, цѣлыхъ четыре длинныхъ-предлинныхъ года прошло со дня моего отъѣзда отсюда, а, между тѣмъ, все время такъ и тянуло меня обратно, точно кусочекъ себя самой я здѣсь позабыла; едва дождалась. А папа еще: „Погодите, вмѣстѣ поѣдемъ, квартиру сперва устроимъ“. Какъ бы не такъ! Небось, когда изъ Петербурга надо было уѣзжать, въ пять дней насъ встряхнули, а какъ обратно— „подождите!“ Нѣтъ, папусенька, ужъ это „ахъ оставьте!“

Еще въ Лугѣ нарядилась я въ шляпу и жакетку, какъ ни убѣждала меня мамочка, что рано. Знаю, что рано, въ томъ-то вся и бѣда, потому-то и хочется обмануть себя, сократить время: когда одѣтъ, кажется, что вотъ-вотъ и подъѣзжаешь. А какъ стали мы приближаться къ платформѣ, какъ вкатилъ поѣздъ, громяхая, подъ темные станціонные своды, сердце мое шибко-шибко забилося, и внутри точно радостно что-то запрыгало.

Сѣли на извозчика. Хотя въ той части города улицы и мало знакомыя, но, все равно, одно сознаніе, что это опять *наше*, петербургское, что каждая конка, карета, лавка будто немножко и мои: захочу, сяду и поѣду, захочу, зайду, куплю

что-нибудь, — что сама я тоже *здѣшняя*, не чужая, не случайно пришедшая, одно это приводитъ меня въ восторгъ. Глупо можетъ быть, но на душѣ свѣтло такъ, радостно, весело!..

Въ восемь часовъ мы пріѣхали, а въ одиннадцать я уже умолила мамочку отвести меня въ тотъ же день въ гимназію. Ждать еще сутки, цѣлыхъ двадцать четыре часа! Нѣтъ, это никакого человѣческаго терпѣнія не можетъ хватить!.. И добрая мамуся, невзирая на страшную головную боль, повела-таки меня.

Не знаю, какъ не выскочило или не лопнуло у меня сердце, такъ громко тукало оно, когда мы слѣзали съ дрожекъ у подъѣзда гимназіи. Вдругъ тамъ внутри что-нибудь измѣнилось? Вдругъ все перекрасили, передѣлали?.. И такъ страшно, такъ жалко и даже больно подумать объ этомъ.

Беремся за ручку двери, и сразу мнѣ дѣлается безконечно весело: ихъ распахиваетъ Андрей, тотъ самый толстый Андрей, котораго когда-то призывала Евгенія Васильевна на борьбу съ черными тараканами-чудовищами *). Онъ, конечно, не узнаетъ меня, но это все равно, я сама рада видѣть снова его знакомую, круглую фizioномію. Гляжу кругомъ. Все на старыхъ мѣстахъ: и столъ, и ящикъ съ уроками для отсутствующихъ, и вѣшалки.

Идемъ въ канцелярію. Мамуся тщетно вопить: „Тише!“ — я лечу стрѣлой. Почти у самой двери стоитъ начальница. Платье на ней такое же васильковое, лицо такое же восковое; впрочемъ, есть въ ней и перемѣна: прежде она произносила только одну-единственную фразу: „Mesdames, не переплетайтесь“. Но за это время она, очевидно, сдѣлала громадныя успѣхи: теперь, оказывается, она и другія слова говорить, очень живо и любезно протягивая мамочкѣ руку.

Но привѣтливой, улыбающейся фizioноміи милого Сергѣя Владимировича не видать *). Хотя и знаю я, что теперь другой инспекторъ, но безъ него кажется какъ-то неуютно и пусто. Теперь на его обычномъ мѣстѣ стоитъ маленькій,

*) См. того-же автора: „Веселые будни Изъ воспоминаній гимназистки“.

совсѣмъ круглый господинъ, въ круглыхъ же, толстыхъ очкахъ, черезъ которыя смотрятъ круглые, выпуклые каріе глаза, пристально такъ смотрятъ; хорошіе глаза, честные, передъ которыми не солжешь. Голова у него точно арбузикъ, посрединѣ порядочная лысинка, а кругомъ густая бахромка изъ сѣдоватыхъ кудряшекъ. Лапки коротенькія, и держитъ онъ ихъ, вывернувъ немного ладони назадъ—ни дать, ни взять, самоварчикъ съ ручками. Разговариваетъ онъ съ какой-то незнакомой мнѣ классной дамой, скоро-скоро говорить, а самъ такъ весь и двигается,—шустренькій, видно.

Я и здѣсь живо оглядываюсь. Все, все на своемъ мѣстѣ, даже малюсенькое, совсѣмъ гладенькое рыжее платье болтается все на томъ же крючкѣ: это модель того фасона, который полагается носить, но котораго ни одна ученица не носитъ, потому ужъ больно оно облизанное и некрасивое.

Синяя дѣвица собирается уходить, но еще роется въ шкапу; начальница подзываетъ самоварчикъ, котораго величаетъ Андреемъ Карловичемъ, и объясняетъ ему, откуда я взялась.

— Отлично, очень „арашо“,—говоритъ онъ.—Сейчасъ васъ и въ классъ сведемъ... Будьте добры, попросите сюда классную даму второй Б,—говоритъ онъ „синявкѣ“, которая кончила шарить на полкахъ.—Впрочемъ, я самъ...

Едва успѣла я оглянуться, какъ онъ, кивнувъ мамочкѣ, шарикомъ покатился вверхъ по лѣстницѣ. Я за нимъ. А сверху навстрѣчу грядетъ нашъ лилипутикъ — Шарлотта Карловна *). Увидала я ее, и отчего-то мнѣ опять такъ весело-весело сдѣлалось.

— Здравствуйте, Шарлотта Карловна!—громко такъ, раскатисто, чуть не на всю гимназію, возгласила я.

Она сперва прищурилась, потомъ съ удивленіемъ заглянула мнѣ близко-близко въ лицо (еще бы не удивиться, вѣдь ее, бѣдную, не избаловали такими бурными привѣтствіями!), кивнула и пошла дальше, все попрежнему размахивая своими безконечными руками.

Входимъ въ средній коридоръ. Дверь крайняго класса

*) См. „Веселые будни“

открывается, на ея порогѣ я вижу высокую стройную фигуру.

— Юлія Григорьевна!—громко, радостно восклицаю я и, забывъ про своего спутника, про то, что я, до нѣкоторой степени, нарушаю общественную тишину, бросаюсь къ своей любимицѣ съ протянутыми руками.

Она пристально смотритъ на меня.

— Да вѣдь это же нашъ „тараканчикъ“!—узнаетъ она наконецъ.—Какими судьбами? Ну, здравствуйте!—и сама протягиваетъ мнѣ руки. Я крѣпко, крѣпко обнимаю ее, а въ горлѣ у меня что-то сжимается.

— А Андрей-то Карловичъ ждетъ васъ,—черезъ минуту говоритъ она,—идите скорѣй, еще увидимся.

Правда... Вотъ скандалъ! Я про него и забыла. Онъ ничего, смотритъ серьезно, не улыбается, но глаза добрые, умные, хорошіе глаза.

— Что, рады старыхъ знакомыхъ видѣть?—спрашиваетъ.

— Ужъ такъ рада, такъ рада!

— Вижу, вижу! Ну, входите!

Сердце мое опять радостно стучитъ. Вотъ сейчасъ удастся тотъ сюрпризъ, который я готовила всѣмъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ.

Мой путеводитель вкатывается въ классъ, я за нимъ.

Но что это? Вмѣсто смѣющихся вишневыхъ глазъ и коротенькой носюли милой „Женюрочки“ *) навстрѣчу намъ поднимается плоская добродушная физіономія на довольно высокомъ, чуть-чуть кривобокомъ туловищѣ. Сердце у меня такъ и упало, впрочемъ, на одну лишь минуту, потому что кругомъ со всѣхъ сторонъ зажуужжали:

— Муся!

— Старобѣльская!

— Стригунчикъ!—вдругъ раскатисто такъ, на весь классъ пронеслось хорошо знакомое мнѣ восклицаніе, которое, нѣтъ сомнѣнія, по силѣ и мощи только отъ Шурки Тишаловой и могло исходить.

Я ворочаюсь во всѣ стороны, физіономія моя радостно

*) См. „Веселые будни“.

расплывается, но я еще никого не различаю: кругомъ меня все какія-то длинныя, большія дѣвицы, съ прическами, бантами, коками. За учительскимъ столикомъ высокая фигура въ вицмундирѣ съ немолодымъ плутовато-милымъ лицомъ, съ цѣлой шапкой коротенькихъ, войлочнаго цвѣта и сорта, вьющихся волосъ.

— Qui est donc cette petite demoiselle dont on manifeste si joyeusement l'arrivée? (Кто же эта маленькая барышня, приходъ которой вызываетъ такія радостныя манифестаціи?) — освѣдомляется онъ.

Какая-то пушистая каштановая головка, съ закрученной на затылкѣ толстой косой, приподнимается и что-то объясняетъ ему.

Да вѣдь это же Люба, моя милая „японочка“!

— C'est qu'on n'est pas fâché de la revoir, cette petite demoiselle! (Какъ будто не очень недовольны видѣть ее, эту маленькую барышню!) — опять говоритъ французъ.

Меня сажаютъ на ближайшую пустую скамейку, а Андрей Карловичъ, пошептавшись съ классной дамой, выкатывается изъ класса, быстро-быстро кивая всѣмъ своимъ арбузикомъ.

Французъ вызываетъ ученицъ переводить новый урокъ, а я тѣмъ временемъ разсматриваю всѣ улыбающіяся, ворочающіяся въ мою сторону лица. Вотъ сверкаютъ издали бѣлые зубы Шурки, и мордашка ея, все такая же татарская, все такая же веселая, улыбается мнѣ. Вотъ золотисто-блондинистая головка съ недлинными, до плечъ, локонами и розовое, точно крымское яблочко, чуть-чуть блестящее личико моего милаго „Полуштофика“ *); и теперь, она еще, пожалуй, за цѣлый не сойдетъ. Вотъ... Но французъ прерываетъ мои дальнѣйшія открытія.

— Mais c'est une petite révolutionnaire que cette petite demoiselle-là! Voilà qu'une anarchie complète s'installe dans mon auditoire, on ne veut plus ni me voir, ni m'entendre. Voyons, m-elle... m-elle... (Да вѣдь это настоящая революціонерка, эта маленькая дѣвица. Полная анархія воцаряется въ моей

*) См. „Веселые будни“.

аудиторіи, не хотятъ больше ни видѣть, ни слышать меня. Пожалуйста, м-ль, м-ль...)

— Starobelsky — подсказываетъ кто-то.

— Eh bien, m-elle Starobelsky, voulez-vous bien avoir la bonté de traduire ce petit morceau-là, au moins on pourra légitimement vous regarder et vous écouter. (Такъ вотъ, м-ль Старобѣльская, не будете ли вы такъ добры перевести этотъ кусочекъ, по крайней мѣрѣ, тогда можно будетъ на законномъ основаніи смотрѣть на васъ и слушать васъ)—и лицо его лукаво и добродушно улыбается.

Я перевожу ему про какую-то дѣвицу, которая что-то вспоминала и разбирала сушеные цвѣты.

— Très bien, m-elle. Voilà encore un petit astre qui s'élève à notre horizon. J'approuve parfaitement la joie de vos amies. (Прекрасно. Вотъ еще маленькая звѣздочка восходитъ на нашемъ горизонтѣ. Вполнѣ сочувствую радости вашихъ подругъ).—Я немножко краснѣю; мнѣ пріятна его похвала, но еще пріятнѣе услышать благодѣтельный звонокъ, благодаря которому я сейчасъ, сію минутку, смогу обнять и расцѣловать всѣ эти милыя, привѣтливыя, любимыя мордашки.

На перемѣнѣ мы только это и дѣлали, впрочемъ, еще ахали, охали, удивлялись происшедшей перемѣнѣ, особенно я, потому что всѣ онѣ до неприличія повырастали. Опять я оказалась въ классѣ самой маленькой. Многихъ не досчитываюсь, но тѣхъ не жалко, а мои любимицы, вся наша милая, теплая компанія, всѣ налицо.

За слѣдующимъ урокомъ состоялась моя встрѣча съ нашимъ добрымъ батюшкой. Едва успѣлъ онъ войти, какъ взоръ его невольно упалъ на первую скамейку, куда уже гостепріимно пріютили меня. Сѣлъ, повернулся въ мою сторону и смотреть, пристально такъ глядитъ.

— Что-то дѣвица эта мнѣ больно знакомой кажется, — говоритъ онъ.

Я встаю.

— Да неужели же, батюшка, вы меня не узнаете?—спрашиваю.

Опять смотреть.

— Какъ не узнаю, т.-е. даже совсѣмъ узналъ. Вѣдь это